

ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ГОРСКОЙ АССР В УСЛОВИЯХ НЭПА

*Работа представлена кафедрой новейшей истории и политики России
Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.
Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор С. А. Хубулова*

В статье рассмотрены должностные преступления партийной номенклатуры Горской АССР в условиях нэпа.

Ключевые слова: партийная номенклатура, должностные преступления, социальная девиантность.

Malfeasances of the party nomenclature in the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic under the New Economic Policy conditions are considered in the article.

Основное внимание в отечественной исторической литературе, посвященной большевистской партии времен нэпа, уделяется общественно-политическим аспек-

там ее бытия. Гораздо меньше затрагиваются материальные условия жизни коммунистов и в этой связи «мелкобуржуазные настроения» (хозяйственное обрастание, слу-

жебное злоупотребление, пьянство), а также социально-психологические аспекты и характерные особенности преступлений, злоупотреблений властью и иных правонарушений ответственных работников-коммунистов.

Уже в начале нэпа шел процесс формирования системы более высокой заработной платы, льгот и привилегий для членов партий, особенно занимавших руководящие должности в партийно-государственных и хозяйственных структурах власти¹. Однако в силу как неотлаженности самой номенклатурной системы, так и особенностей экономики 1920-х гг. льготы и привилегия не играли решающей роли в повышении благосостояния номенклатуры. Скорее экономическую основу определенной части номенклатуры и контраста в образе жизни между ними и рядовым населением составляли разнообразные должностные злоупотребления. Как отмечает Е. А. Осокина, в период нэпа рост благосостояния каждого представителя местной власти был в первую очередь предметом его собственных забот².

Обладая властью, региональные «верхи» имели различные возможности для улучшения своего материального положения. В первые годы нэпа широкое распространение среди местных ответственных работников-коммунистов приобретало «стремление к обрастанию хозяйством»³: стремление приобрести дом, мебель, домашнее хозяйство и т. д.

Мысли о личном обогащении имели в первые годы нэпа многие коммунисты, занимавшие ответственные посты. В отчетах ЧК имелось немало материалов о том, как номенклатура пользовалась своим положением в тяжелых для Горской республики условиях голода. Так, в одном из отчетов ЧК Горской республики отмечалось, что «ответственные работники - члены партии, во многих местах обросли таким хозяйством, для ведения которого применяют наемную силу»⁴. Таким образом, под

влиянием нэпа у части коммунистов, занимавших ответственные посты, проявляется «мелкобуржуазная» психология - желание приобрести собственность. В условиях сложной социально-продовольственной и экономической ситуации начала 1920-х гг. материальное благополучие являлось доминирующим мотивом поведения. Более того, сама нэповская действительность создавала систему, при которой соблазн наживы был огромен.

В конце 1921 г. Горской областной контрольной комиссией рассматривались дела в отношении завпартшколой ВЧК Кофанова, его помощника Бурякова, управделами Совнаркома Калмыкова и предгорщика Альдерханова, которые обвинялись в самоснабжении и злоупотреблении властью. Контрольная комиссия по проверке, пересмотру и чистке партии была вынуждена в отношении Кофанова, Бурякова и Калмыкова принять решение об исключении из рядов РКП(б). В отношении же Альдерханова комиссия постановила: «перевести на шесть месяцев в кандидаты»⁵. Таким образом, принятие решения часто зависело от занимаемой должности обвиняемого, т. е. носило избирательный характер.

Своим положением злоупотребляли руководители различных ведомств республики. В 1921 г. на широкую ногу с громадными покупками жил секретарь коллегии Грозчека, член партии Пашков. В частности, было известно, что «к свадьбе он купил костюм жене за 750 тыс. рублей, а за 300 тыс. рублей сшил себе сапоги. При переезде у него пропало вещей на 3 млн рублей»⁶. На общем фоне нищеты, невыносимо тяжелой полуголодной жизни подобная роскошь выглядела вызывающе и способствовала усиливающемуся неприятию власти коммунистов. Стиль жизни новой советской бюрократии вызывал раздражение во многом потому, что население не видело практической отдачи и реальной пользы для себя от деятельности низового актива. Поэтому «интеллигентский», нетрудовой

быт местной номенклатуры ассоциировался с их полной оторванностью от нужд и забот населения.

Во второй половине 1922 г. «мелкобуржуазный уклон» стал приобретать более опасные для коммунистической власти черты. В сводках политбюро Владикавказского округа отмечалось, что «на фоне общих явлений особенно бросаются в глаза взяточничество, вымогательство, производимые отдельными личностями, как по должности, так и в некоторых случаях использования своих старых прав». Например, в хуторе Архонском Владикавказского округа был известен факт, когда «бывший ответработник Галков, пользуясь старым мандатом и своей известностью местной власти, потребовал остатки несданного в заготконтору продналога, но в результате застигнутый на месте преступления, был задержан»⁷.

Особенно большие возможности для злоупотреблений имелись у руководителей финансовых и хозяйственных ведомств. В начале 1922 г. Владикавказской городской контрольной комиссией рассматривалось дело в отношении наркомфина Гацолаева, который обвинялся в незаконном получении трех миллионов рублей. Так же было выявлено пять подобных случаев и в ячейке финотдела и госбанка⁸.

В начале 1923 г. Проверочная комиссия Горской республики выявила ряд должностных преступлений и в хозяйственных органах - главным образом растраты у коммунистов. В ячейке ВЦРК было выявлено четыре таких члена. Один из них, бывший член Правления Завторговым отделом, исключен из РКП(б), а на трех других дела разбирались в судебном порядке⁹.

Подобные явления создавали опасность кризиса РКП(б) - идейного (несовместимость коммунистического доктринерства и нэповской практики) и организационного (отчужденность между «верхами» и «низами» парторганизаций из-за материального неравенства).

Противодействуя «мелкобуржуазным настроениям», контрольным комиссиям Горской республики приходилось все чаще применять такую крайнюю меру, как исключение из партии. К примеру, только в 1921 г. из двух осетинских окружных организаций (Дигорская, Владикавказская) было исключено 550 чел.¹⁰

Однако, несмотря на подобные меры, проблема злоупотреблений среди руководящих работников была актуальной и в последующем. Видимо, этому способствовало все большее «вхождение» в нэповскую действительность, при которой либерализация частной собственности в условиях «низкого уровня культуры и политического сознания»¹¹ разъедающее влияла на психологию определенной части ответработников-коммунистов, делая их носителями мелкобуржуазной психологии.

В первые годы нэпа широкое распространение среди местных ответработников-коммунистов получает злоупотребление алкоголем. Озабоченность вызывали участвовавшие случаи появления на улицах членов РКП(б) пьяными, задержание их милицией, частые «бесцеремонные» пьянки коммунистов, которые порой переходили в «форму организованных кутежей» и сопровождались дебошем. Так, например, в циркулярном письме в Гороблпартком отмечалось, что «на Пасхе вся администрация Грозчека устроила кутеж, где все напились, а потом передрались между собой»¹². Был также известен факт, когда член Горцика Палавандалашвили «устроил в пьяном виде беспричинный арест и скандал на улице». Однако, рассматривая дела в отношении данных членов партии, Горская контрольная комиссия ограничилась лишь «выговором и снятием с ответственных постов на шесть месяцев»¹³.

Рост бытового пьянства имел разные мотивы. Для партийной и государственной номенклатуры - от высшего до низшего уровня - употребление спиртных напитков было средством своеобразной психологи-

ческой релаксации, ухода от сложностей повседневной жизни, стремлением заменить массовое разочарование радостью и повышенным настроением¹⁴.

Партийное руководство Горской республики болезненно реагировало на подобного рода разложения и пыталось через контрольные комиссии бороться с такими явлениями. И все же, несмотря на «упорную борьбу», Гороблпарткому в 1922 г. пришлось доложить ЦК РКП(б), что «в области быта коммунистов пьянство продолжается и разлагающе действует на массы»¹⁵.

Проблема пьянства была актуальна и в последующем. Об этом свидетельствовали и данные контрольных комиссий, которые периодически привлекали к ответственности коммунистов за различного рода правонарушения. Так за один только месяц (ноября) 1924 г. из 76 коммунистов, привлекавшихся Владикавказской окружной контрольной комиссией, - 17 по обвинению в пьянстве¹⁶.

Таким образом, в 1920-е гг. пьянство провинциального ответработника-коммуниста зачастую носило откровенно вызывающий характер, превращаясь в образ жизни, в одну из характеристик облика советской власти на местах¹⁷.

ЦК рассматривал пьянство как нарушение дисциплины и объяснял подобное явление тем, что партийцы искали компенсацию тому, что их командные позиции были отчасти утрачены. Новая экономическая политика положила определенные границы их всевластию¹⁸. Однако следует предположить, что мотивы подобного явления заключались во внутренних психологических побуждениях человека. Человек и его сообщества, переживая радикальные соци-

альные изменения и оказываясь вынужденными участвовать в них, входит в аномальное социально-психологическое состояние, источники социальной девиантности приобретают тем самым благоприятные условия для распространения, роста масштабов.

Нужно отметить, что проблема пьянства не была характерна только для начала 1920-х гг. Ко времени установления советской власти бытовая культура, повседневная жизнь населения Европейской части страны имела длительную и устойчивую традицию, связанную со значительным употреблением спиртосодержащих напитков, уровень алкоголизации населения, несмотря на различные колебания, оставался достаточно высоким¹⁹. Однако революционное преобразование старого строя, как обычно бывает в переломные моменты исторического развития, сопровождалось обострением внутренних противоречий и проблем, которые в периоды общественной стабильности либо существуют в скрытой форме, либо проявляются в гораздо меньшей степени²⁰. Таким образом, масштабы социальной девиантности напрямую зависят от тех кризисных состояний, которые переживает в конкретных исторических условиях определенный культурно-исторический тип.

Итак, уже в первые годы нэпа вызревало противоречие между частичной либерализацией советской экономической системы и ее социокультурными последствиями для номенклатуры. Продолжение экономического реформирования, с имевшимся в нем антикоммунистическим потенциалом, представляло опасность для формирующейся номенклатурной системы - главной опоры правящего режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лютое Л. Н. Региональная руководящая элита в начале нэпа (1921-1923 гг.): социокультурный аспект//НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 321.

² Осокина Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928-1935 гг. М., 1993. С. 71-72.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Он. 33. Д. 68. Л. 46.

⁴ Там же. Ф. 65. Он. 1. Д. 67. Л. 4об.

⁵ ЦГАИПД РСО - А. Ф. 205. Он. 1. Д. 1. Л. 32, Д. 5. Л. 127.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

- ⁶ Там же. Д. 1. Л. 66 об.
- ⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 19. Л. 87 об.
- ⁸ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 5. Л. 127.
- ⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 48.
- ¹⁰ Очерки истории Северо-Осетинской парторганизации. Орджоникидзе, 1969. С. 131.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 68. Л. 46.
- ¹² ЦГАИПД РСО-А. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.
- ¹³ Там же. Д. 5. Л. 127.
- ¹⁴ *Хубулова С. А., Ганеева М. С.* «Маленькие люди» в «большой истории»: повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917-1920 гг. Владикавказ, 2007. С. 266.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 67. Л. 4об.
- ¹⁶ ЦГАИПД РСО-А. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 15.
- ¹⁷ *Ливишин А., Орлов И.* Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 79.
- ¹⁸ *Бровкин В. Н.* Культура новой элиты, 1921-1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 88.
- ¹⁹ *Хубулова С. А., Ганеева М. С.* Указ. соч. С. 264.
- ²⁰ Там же. С. 263.